

RU

Шотландский поэтический эмиграционный дискурс XIX века: реалии, символы, мотивы

Велилаева Л. Р.

Аннотация. Цель исследования - определение особенностей трансформации шотландских реалий в символы в контексте актуализированных мотивов перемещения. Научная новизна работы заключается в выявлении и систематизации художественных особенностей поэтических текстов, трансформирующих реалии в символы, а также классификации различных типов мотивов перемещения на Родину. В результате исследования установлено, что для шотландских поэтов-эмигрантов Родина-Шотландия превращается в «волшебное» место, трансформируя реалии в символы (что характерно для любого эмиграционного дискурса). Путешествие в это «волшебное» место осуществляется посредством введения мотивов мечты/сна/грезы и плавания.

EN

Scottish Émigré Poetry of the XIX Century: Realia, Symbols, Motives

Velilaeva L. R.

Abstract. The article analyzes the Scottish émigré poetry of the XIX century. The paper traces transformation of the Scottish realia into symbols in the context of relevant motives of removal. The researcher identifies artistic peculiarities of poems in which realia acquire symbolic meaning, proposes a classification of motives of return to the Motherland, which constitutes scientific originality of the study. As a result, it is shown that the Scottish émigré poets described Motherland-Scotland as a “fairy world” transforming realia into symbols, which is typical for émigré discourse. The motive of “fairy world” is associated with motives of vision/dream/reverie and sea voyage.

Введение

Шотландская эмиграция на разные континенты исчисляется столетиями и сотнями тысяч людей. Одной из самых многочисленных и продолжительных была эмиграция на североамериканский континент. В XIX веке, помимо политической, религиозной и экономической эмиграции, появилась эмиграция литературная, представленная целой плеядой талантливых поэтов.

Шотландский поэтический эмиграционный дискурс XIX века представляет собой сложный сверхтекст, одной из многочисленных составляющих которого является пейзаж. Среди главных элементов пейзажа выделяются реалии. Именно благодаря реалиям пейзаж становится исторически, этнически и социально узнаваемым и запоминающимся. В контексте шотландского эмиграционного дискурса важно и свойство реалий превращаться в символы, актуализируя определенные мотивы. Это подтверждает актуальность данного исследования.

Задачи:

- 1) определить основные типы реалий, обладающих эмблематической нагруженностью;
- 2) вывить основные мотивы, определяющие символизацию реалий;
- 3) проанализировать художественные особенности трансформации реалий в символы на примере конкретных поэтических текстов.

В работе использованы следующие методы исследования: историко-биографический, сравнительно-исторический, реального комментирования (тезаурусный), а также элементы статистического анализа.

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых. Так, работы А. Котерелл посвящены вопросам античной, кельтской и северной мифологии [3], М. А. Новикова занимается изучением пейзажных реалий, мифопоэтического дискурса и историей шотландской литературы [6], исследования Е. М. Мелетинского посвящены поэтике мифа и фольклористике [4], С. А. Токарев обращается к вопросам мифологии и этнографии [5], В. Н. Топорова интересовали проблемы поэтики и мифологии [7].

Практическая значимость состоит в том, что результаты проведенного исследования могут привлекаться для составления учебников и учебных пособий по истории зарубежной литературы, особенно по шотландистике, для разработки спецкурсов по эмиграционистике.

Основная часть

В результате анализа поэтических текстов было выявлено, что эмблематически нагруженными могут оказаться реалии-микротопонимы Родины-Шотландии (исторические и биографические). Среди самых распространенных необходимо упомянуть: 1) место рождения (село, деревня, город, страна), а также детства или юности автора / лирического героя; 2) места исторических событий (битвы, сражения в первую очередь); 3) места, наиболее часто упоминаемые в литературных текстах.

К первому типу можно отнести Кловские леса (The Woods o' Clova, J. D. Law), Рэглинский мост (Auld Ruglin Brig, D. Ramsay), Алловэйский храм (Auld Kirk Alloway, M. Taylor), Пертский холм (The Inch o' Perth, P. Ross) и др. Вторую группу примеров составляют Куллоден (Dark Culloden Day, P. MacPherson), Бэннокбёрн (Scotland Forever, W. Anderson), Ларгс и Стёрлинг (There's nae land like old Scotland, W. Anderson). К третьей группе можно отнести названия третьего типа – Лох-на-Гар (Lochnagar, Americanized Scot, or Jem Wilson and the Queen, J. Kennedy). Лох-на-Гар является аллюзией на стихотворение Дж. Г. Байрона «Лэчин-и-Гэр» (Lachin u Gair):

“...Yet, Caledonia, beloved are thy mountains,
Round their white summits though elements war;
Though cataracts foam 'stead of smooth-flowing fountains,
I sigh for the valley of dark Loch na Garr...” [14, p. 391].

Обратимся к более подробному анализу трансформации шотландских реалий в шотландские символы.

Родина как волшебная земля

Мотивом, который всегда актуален в памяти лирического героя, становится мотив Родины. А Родина сама чаще всего превращается в особое место, «волшебное»: «волшебный сад», «волшебный дом/замок», «волшебная гора» или «волшебный луг». Благодаря такому ракурсу авторского видения названия этих лесов, полей, лугов, гор, замков становятся сначала символами, а затем символ, приобретая устойчивое ассоциативное значение, трансформируется в миф.

Символизации подвергаются реалии (парные), которые сопровождаются рифмами (не всегда): “vale – dale (долина)”, “hill – glen (холм)”, etc. Их можно отнести к самым общеупотребительным, что приближает их к фразеологическим оборотам.

Значение «волшебности» придают этим местам:

- 1) яркие *эпитеты-колоративы* (rainbow (радуга), golden/gilded (золотой), silver (серебряный), green/emerald (зеленый/изумрудный), blue/sapphire (голубой/сапфирный), red/purple (красный/пурпурный), etc.);
- 2) эпитеты (чаще с рифмой), которые описывают положительные качества (rare – fair (редкий – светлый), bright – light (яркий – легкий), bonny (хороший); fairest (самый светлый), brightest (самый яркий), etc.);
- 3) эпитеты, описывающие эмоциональное состояние (dear (дорогой), happy (счастливый), blyth(e) (счастливый, счастье), etc.).

Переход в это «волшебное» место («волшебный сад», «волшебный дом/замок», «волшебную гору» или «волшебный луг») осуществляется благодаря перемещению, которое происходит чаще всего во сне. Возможны три варианта такого перемещения: 1) такой «волшебный», «сказочный» сон вводится автором в текст прямо (он становится тогда частью лирического сюжета); 2) может описываться как грёза или 3) присутствовать в поэтическом тексте как заветная мечта.

Мотив мечты/грёзы/сна (dream)

Самым общим способом, благодаря которому лирический герой (а благодаря ему и сам автор) может оказаться на Родине (в Шотландии), является состояние сна (сон как грёза, сон как мечтание). Именно посредством сна как грёзы лирический герой переносится в Шотландию, в родные края, свой родной дом, воспоминания детства и юности. Так, в тексте Дж. Кеннеди находим:

“...Yet dearer memories fondly forth
Come linked with Noran's crystal stream,
That, bright as in its native North,
Oft sparkles in my fancy's dream” [15, p. 44].

Или у Д. Рамсея:

“...Auld Ruglin Brig and Cathkin braes
And Clyde's meandering stream,
Ye shall be subject of my lays
As ye are of my dreams” [13, p. 203].

Подобного рода волшебные путешествия нередко осуществлялись лирическим героем с помощью поэтической волшебной силы. Этот способ актуализирует другой мотив – мотив странствия, путешествия в иной мир

(в том числе и загробный). Данный мотив реализуется с помощью «сказительного» (рассказанного) путешествия в тот, иной, мир. Иллюстрации подобного рода находим у Дж. Кеннеди в стихотворении “To the Burn’s Shade”:

“...For all youth’s fairy scenes and glee,
Loves, hopes and fancies fain,
In Poesy’s art illumed by thee,
Come back to us again” [15, p. 67].

Иногда мотив сна/грёзы/мечты, который опосредует путешествие на Родину, становится более коротким: мечта, сон/грёза сразу превращаются в Рай, куда автор и попадает. В таких текстах отчетливым становится понимание шотландских поэтов-эмигрантов своей Родины как Рая, своего прошлого (детства и юности) – как райского пребывания и существования.

В то же время каждый из членов этой последовательности может расширяться и привлекать в образовавшуюся последовательность промежуточные звенья. Так, для шотландского поэта-эмигранта дом – это чаще всего не только просто физический объект, это еще и родители, братья и сестры. Школа, например, тесно связана со школьными учителями и товарищами, которые живы в памяти поэтов. Город (селение), в котором автор провел свое детство, в ассоциативной цепочке состоит также из земляков (товарищей, соседей). А природа естественным образом состоит из родных холмов, лугов, лесов, «своих» растений и «своих» животных.

Такие примеры находим в следующих текстах:

“...When I think on the nights that we spent hand in hand,
When love was our solder, an’ friendship our band,
This world gets dark – but ilk night has a daw’,
An’ I yet may rejoice wi’ the lads far awa” [9, p. 46].

Или:

“...To let me remain in the home of my fathers.
Is all that I ask in the land of my birth...” [13, p. 183].
“...With songs from the mother, and legends from sire,
How blithe were we all round the cheerie peat fire!” [Ibidem, p. 30].

Схожим образом конструируется образ Рая с помощью родной (шотландской) природы:

“...O meet me at the trysting gate
Down by the hawthorne tree...” [11, p. 54].
“...There, sweet amid the shady gloom,
Thou hear’st the blackbird chant his lay,
Thou see’st the pale primroses bloom,
And silent ling’ rest on thy way!” [15, p. 45].
“...Its fauna, the red deer, the roe and the hare;
For flora, the bluebell and daisy are there” [12, p. 34].

Мотив сна/грёзы/мечтания усложняется в наибольшей мере композиционными способами. У Х. Эйнсли, например, в стихотворении “Lads Far Away” первые строки выглядят по-фольклорному простыми и ясными. Лирический герой начинает с воспоминаний о своей далекой уже Родине, стране, которую он покинул (the land far awa’). В контексте шотландского эмиграционного дискурса очевидно, что страна – это Шотландия (хотя лирический герой не называет ее). Именно о Шотландии грезит герой в эмиграции. Таким образом, создается пространственный образ, который уже в следующей строфе трансформируется во временной образ. Теперь Родина – это страна, в которой прошли детские и юношеские годы, времена первой любви и школьной дружбы:

“When I think on the lads, an’ the land I hae left,
An’ how love has been lifted, an’ friendship been reft,
How the hinny o’ hope has been gumbled wi’ ga’,
Then I lang for the lan’ an’ the lads far awa...” [9, p. 46].

В последующих строфах время и пространство также продолжают подвергаться изменениям. Происходит сужение: время и пространство фиксируют какое-то застолье, прогулку, встречу с близкими, друзьями, любимыми. Но также происходит расширение времени и пространства поэтического текста, они становятся более универсальными: “Land Far Away” – это теперь хронотоп, связанный с теплотой, добротой, светом, вечной любовью и радостью. Это хронотоп, который в тексте превращается в Райский хронотоп:

“...When I think of the nights that we spent hand in hand,
When love was our solder, an’ friendship our band,
This world gets dark – but ilk night has a daw’,
An’ I yet may rejoice wi’ far awa” [Ibidem].

Схожая трансформация происходит в поэтических текстах других авторов, когда дом (на Родине-Шотландии) превращается в Рай (Шотландия как Рай):

“Oh; Scotia, the land never trod by a slave,
Made free by the blood of a martyr and yeoman...” [12, p. 360].

“There’s nae land like fair Scotland,
Her vales sae bonnie, hills sae hie...” [Ibidem, p. 355].

Самый сложный вариант Рая появляется, когда этот Рай становится «американским», но в то же самое время лирический герой соотносит свое мироощущение с шотландским, «шотландской сказкой», «шотландской мечтой». Происходит художественное наслаждение образами: когда те пейзажи, те персонажи, с которыми автор встречается в США, вызывают в его памяти воспоминания о Родине-Шотландии:

“...Ay fact, its sae – oor ain sweet flow’r.
The Scottish daisy – oh! what power
Is in this seeing
That gars auld memories in a shower
Flood a’ my being!” [10, p. 48].

Мотив плавания на Родину / в Рай

Плавание сопровождает любое освоение новых земель. Именно с плаваниями связана колонизация Нового Света. На американский континент будущее население приплывало: это были морепроходцы, викинги, пираты, контрабандисты. Сами Британские острова омываются водами Атлантического и Северно-Ледовитого океанов. Поэтому мотив плавания как способ перемещения и достижения цели вполне органичен в шотландской картине мира. И естественным видится именно такой способ достижения «волшебного» иномирия [1].

Другим вариантом данного мотива служит речной. Реки всегда были самыми первыми путями внутриматерикового сообщения. С помощью рек происходит контакт не только между отдельными людьми, реки порой отвечали за судьбу целого народа [7]. На основе анализа шотландских мифов и легенд составлены списки наиболее персонафицированных рек. Для метрополии реками, которые часто становились действующими лицами баллад, песен и других фольклорных текстов, были Твид, Клайд, Ди(и), Дун (Дон) и некоторые другие [2-5; 8]. У них у всех несколько функций: реки могли активно участвовать в мифологических или исторических сюжетах. Также они могут быть положительными персонажами (протагонистами) или отрицательными (антагонистами).

Реки в США имеют индейские названия: Миссисипи (букв. «большая вода»), Миссури (букв. «люди на больших каноэ») [16, p. 868] и др. Этот факт настойчиво напоминает местному населению, чья это была территория и для кого это пространство было «своим». Считаю важным предположить, что именно потому, сталкиваясь с этими реками в своих поэтических текстах, лирические герои как бы возвращаются на «свои», шотландские земли, а мотив плавания, таким образом, превращается в мотив возвращения домой.

Заключение

Из проведенного анализа поэтических текстов можно сделать следующие выводы.

1. У шотландских поэтов-эмигрантов складывается особое отношение к своей бывшей Родине-Шотландии. Она превращается в особое, «волшебное» место, а реалии, относящиеся к этим местам, становятся символами.
2. Для осуществления перехода в это «волшебное» место поэты-эмигранты обращаются к мотивам мечты/грёзы, сна и мотиву плавания на Родину, которые реализуются с помощью «сказительного» волшебного путешествия в тот «волшебный» мир.
3. Эмиграция становится тем резонатором, который усиливает звучание пейзажных реалий-символов, превращая Шотландию – страну, откуда родом поэты-эмигранты, – в страну, которая для них в памяти становится Раем потерянным и вновь обретенным, но уже в лице США.
4. Специфичность реалий, символов и мотивов, детерминированная эмиграционным дискурсом, нуждается в более подробном поэтологическом анализе, что составляет перспективу дальнейшего исследования.

Источники | References

1. Время в волшебной стране [Электронный ресурс] // Эльфийский словарь. URL: http://pechkin.rinet.ru/wiki/kmb_adof/doku.php?id=time_in_fairyland (дата обращения: 10.08.2021).
2. Кельтская мифология: энциклопедия / пер. с англ. С. Головой, А. Голова. М.: Эксмо, 2002. 639 с.
3. Котерелл А. Мифология: античная, кельтская, северная: энцикл. словарь / пер. с англ. Мн.: Белфакс, 1999. 256 с.
4. Мифологический словарь / под ред. Е. М. Мелетинского. М.: Наука, 1991. 736 с.
5. Мифы народов мира: энцикл.: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энцикл., 1980. Т. 1. А - К. 672 с.; Т. 2. К - Я. 720 с.
6. Новикова М. А. Комментарии // Шотландии кровавая луна: антология шотландской поэзии (с XIII-го века до века XX-го). Симферополь: СОНАТ; Крымский Архив, 2007. 320 с.
7. Топоров В. Н. Река [Электронный ресурс] // Мифы народов мира. URL: <http://www.mifinarodov.com/r/reka.html> (дата обращения: 09.08.2021).
8. Энциклопедия: кельтская мифология [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/MIFS/kelty.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 09.08.2021).

9. Ainslie H. Scottish songs, ballades and poems. N. Y.: Redfield, 1855. 216 p.
10. Henderson D. M. A bit bookie of verse in the English and Scots tongues. Baltimore: University Book Store, 1905. 131 p.
11. McCallum D. C. The water-mill and other poems. Brooklyn, 1870. 64 p.
12. Ross J. D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. N. Y.: Walter W. Reid Publishers, 1897. 377 p.
13. Ross J. D. Scottish Poets in America with Biographical and Critical Notices. N. Y.: Pagan & Ross Publishers, 1889. 218 p.
14. Scott T. The Penguin Book of Scottish Verse. L.: Penguin, 1976. 519 p.
15. The Scottish and American poems of James Kennedy. N. Y.: J. S. Ogilvie Publishing Co., 1920. 247 p.
16. Webster's New World Dictionary of American English. Cleveland - N. Y.: Webster's New World, 1988. 1574 p.

Информация об авторах | Author information

RU**Велилаева Лилия Раимовна¹**, к. филол. н.¹ Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, г. Симферополь**EN****Velilaeva Lilia Raimovna¹**, PhD¹ Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Simferopol¹ lilivelilaeva@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.07.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

Ключевые слова (keywords): Шотландия; поэзия шотландской эмиграции США XIX в; реалия; символ; мотив; Scotland; Scottish émigré poetry in the USA in the XIX century; realia; symbol; motive.